

Он переживал за Не Шичэна, и ему было горько за этих солдат Предивой армии Увэй. Историю пишут люди, и в общепринятых описаниях новой истории о вторжении Альянса восьми держав в Пекин и Тяньцзинь процесс подается либо через изображение жестокости иностранных варваров, либо через указание на бессилие и несостоятельность правительства Цин. При этом о кровопролитных боях армии Не Шичэна одни авторы упоминают лишь вскользь, а другие и вовсе умалчивают.

Соотечественники привыкли прославлять и преувеличивать чужие победы, но перед лицом поражения обычно предпочитают прятать голову в пек. Из-за этого многие исторические истины теряются в реке времени, и проверить их не представляется возможным. В этом смысле наши соседи, несомненно, превосходят нас: японцы, следуя принципу познать позор и обрести мужество, раз за разом анализировали свои поражения, извлекая драгоценный опыт, который в итоге и привел их к возвышению.

Не Шичэн пал в бою. Позади Лэй Чжэня сотни солдат из армии Не опустились на колени перед мостом Сяотунцяо. Там сломался хребет их командующего — последний оплот Великой империи Цин.

В битве при Балитае, используя разрушительную мощь тяжелых орудий, иностранцы наконец сгрызли этот твердый орешек — Не Шичэна. В том сражении погибло около двух тысяч офицеров и солдат армии Не, пал на поле боя и сам главнокомандующий.

Такой противник, как Не Шичэн, несомненно, заслуживал большего уважения чужеземцев, чем те трусы, что цеплялись за жизнь. Позже Лэй Чжэнь слышал, как немецкий генерал Кук, глядя на покрытое шрамами тело Не Шичэна, тяжело вздыхал. Из присущих военным чувств и глубокого почтения он лично приказал накрыть останки Не Шичэна красным шерстяным одеялом, а затем, сняв фуражку, отдал им почести ружейным залпом.

Днем девятого июля пал последний великий тигр империи Цин, способный в одиночку сдерживать врагов!

Цин, эта увядающая, сгнившая империя, уже выпускала последний вздох — ее было абсолютно не спасти.

Смерть Не Шичэна отделила Лэй Чжэня и оставшуюся у него горстку бойцов Предивой армии Увэй от остальных ни на что не годных цинских войск.

Многие выжившие солдаты уже поняли: хотя генерал Не погиб от рук иноземцев, имперский двор оказался точно таким же соучастником, палачом. Других же охватило глубокое уныние, их будущее и судьба казались безнадежными. Они поодиночке и группами покидали ряды, уходя в неизвестность сгущавшихся сумерек.

У каждого есть право выбирать свой путь. И хотя у Лэй Чжэня было последнее распоряжение Не Шичэна, его собственный авторитет оставался невысоким, и одной лишь оставленной саблей он еще не мог приструнить бывалых вояк.

К тому же, по велению сердца, Лэй Чжэнь не желал обагрять руки кровью и расправляться с братьями по оружию.

Пули предназначались заморским дьяволам, и ни одну из них нельзя было тратить впустую.

Остатки разбитой армии совершают героический прорыв

Прорыв!

Вместе с горсткой уцелевших солдат численностью менее тысячи человек Лэй Чжэнь с боями прорывался вдоль берега реки Сяотунхэ, не считаясь с потерями, в надежде отыскать брешь в обороне. Поскольку Не Шичэн приковал к себе основное внимание японцев, на стыке позиций у реки Сяотунхэ образовался длинный коридор, и теперь Лэй Чжэнь во главе оставшихся бойцов стремительно продвигался вперед под вражеским обстрелом!

Приходилось признать: перед лицом выбора между жизнью и смертью человеческий потенциал раскрывается поразительным образом. Героическая гибель Не Шичэна поставила точку в отчаянной обороне Балитая, но для тех, кто еще был жив, главным оставалось вырваться наружу.

Речное русло было обнаженным, лишенным всяких укрытий. То тут, то там солдат настигали осколки разорвавшихся снарядов, и в воздухе непрекращающимся эхом звучали жалобные стоны. Лэй Чжэнь высоко поднимал саблю — символ победы в Первой японо-китайской войне, переданный ему Не Шичэном перед смертью, — и раз за разом подгонял отступающих бойцов, требуя прибавить шаг.

Никто не ставил под сомнение его приказы. В этот критический момент жизни и смерти офицеры, стоявшие по чину выше Лэй Чжэня, думали лишь о собственном спасении, не говоря уже о том, что в руках у самого Лэй Чжэня находилось личное оружие генерала Не.

Одни за другими...

Когда мимо Лэй Чжэня пронесли последние носилки, он наконец смог тяжело вздохнуть. Хотя этот экстренный прорыв сопровождался жестоким артиллерийским обстрелом со стороны иностранцев, по меньшей мере больше половины солдат сумели отступить.

— Бросьте меня, бросьте! Я должен увидеть генерала! — на носилках, сметенных бандажми, с перевязанной запекшейся от крови тканью головой, отчаянно рвался вперед офицер. Санитары, писцы и прочие вспомогательные чины изо всех сил поддерживали его, из-за чего продвижение носилок невероятно замедлилось.

— Обстановка критическая, чего вы тут спорите! Бегите вперед! — рявкнул Лэй Чжэнь. Позади уже смутно угадывались колышущиеся японские флаги с кровавым кругом.

— Лэй Чжэнь, ты трус, дезертир! Знал бы я, что твоя сучности не изменится, я, Сун Дапао, заставил бы генерала снести тебе голову еще тогда! — раненый офицер узнал голос Лэй Чжэня и забился еще яростнее.

Неожиданно услышав свое имя, Лэй Чжэнь замер. Ведь всего неделю назад он был самым незаметным командиром отделения в этой армии, и офицеров, знавших его в лицо, можно было пересчитать по пальцам.

Как этот офицер узнал его? Кто он?

— Сун Чжаньбяо, командир отряда Сун, это вы! — приблизившись к носилкам, Лэй Чжэнь наконец узнал его. Раненым офицером оказался не кто иной, как Сун Чжаньбяо, командовавший двумя батальонами личной охраны Не Шичэна.

— Я! Что, испугался, щенок, снова в дезертиры подался? А ну опустите носилки, я должен вернуться! Вернуться к генералу, чтобы вместе с ним крушить врагов, сражаться плечом к плечу! — тяжело дыша, вопил Сун Чжаньбяо.

От переживаний из его живота снова за сочилась алая кровь. Судя по его состоянию, о том, чтобы убивать заморских дьяволов, не было и речи — у него не хватило бы сил даже на самоубийство.

Лэй Чжэнь прекрасно понимал чувства Сун Чжаньбяо, начальника охраны Не Шичэна. Тот винил себя в том, что не смог должным образом защитить командуемого.

Но Не Шичэн уже пал.

Все было кончено, и какой толк от того, что один раненый офицер останется там?

— Командир Сун, генерал Не отдал жизнь за родину! Теперь я по его приказу веду эту оставшуюся армию на прорыв. Если вы все еще хотите отомстить за генерала — идите с нами. Если же хотите глупо умереть, как трус, — оставайтесь здесь! — повысил голос Лэй Чжэнь.

— Трус? Да трус здесь ты, сопляк! Я, Сун Дапао, десятки лет пролил крови бок о бок с генералом, когда мы боялись смерти? Хорошо, я пойду с тобой! Я хочу посмотреть, как ты, щенок, отомстишь за генерала! — сквозь зубы прорычал Сун Чжаньбяо.

С такими упрямыми, как Сун Чжаньбяо, уговоры не всегда приносили плоды. Старый трюк с игрой на самолюбии выглядел простовато, но сейчас он сработал на удивление хорошо.

К семи часам вечера, благодаря доле везения и железной воле, Лэй Чжэнь наконец вывел отряд из окружения. Однако, когда войска подошли к Южным воротам города Тяньцинь, он был вынужден отдать приказ остановиться на привал.

Поражение в битве и гибель большинства офицеров сломили боевой дух цинских солдат. Если бы им было куда податься, эта горстка из неполной тысячи разгромленных воинов наверняка разбежалась бы в разные стороны.

К счастью, уже темнело, а вражеские погони сосредоточились у Восточного арсенала, Западных ворот и в районе Цзыцзиньлиня, что давало Лэй Чжэню и его людям передышку.

Не прошло и получаса отдыха, как из города хлынул поток беглецов — это были остатки правофланговых частей Предивой армии Увэй под командованием Яо Ланцай.

Вскоре после гибели Не Шичэна командир правого фланга Яо Ланцай также принял смерть от вражеской пули в иностранных концессиях, когда сдерживал неприятеля. Правый фланг армии Увэй был полностью разбит. Часть отступивших солдат численностью около трехсот человек вел единственный оставшийся в живых офицер в чине фушаогуаня. Двое потрепанных отряда объединились, но общая численность теперь составляла жалкие тысячу двести с небольшим человек.

Разве можно было с этой тысячей изможденных солдат снова вступать в бой с иностранцами?

Это было совершенно невозможно.

Враги вот-вот должны были войти в город, и если вести солдат на соединение с армией Юй Лу, это значило бы идти на верную смерть. Реальность и здравый смысл подсказывали Лэй Чжэню: ему необходимо сделать выбор — куда именно увести эти остатки некогда грозной армии.

Идея войти в Тяньцзинь отпадала сразу. Из оставшихся вариантов был либо обходной путь на Пекин, либо возвращение в военный лагерь Лутай. Лэй Чжэнь видел, что по сравнению с защитой некой «старой будды» в Пекине, солдаты, прошедшие через горнило войны, куда охотнее вернулись бы в Лутай. В их сердцах именно это место было настоящим домом.

Военный лагерь Лутай находился всего в восьмидесяти с лишним километрах от Тяньцзиня. Там оставалось почти три тысячи восемьсот человек из центрального крыла армии Увэй под командованием Фэн Ихэ. Все тяжелое вооружение Предивой армии Увэй — 75-миллиметровые пушки Круппа и 37-миллиметровые скорострельные орудия Круппа — хранилось там. По сравнению с жалким состоянием артиллерии здесь, в Тяньцине, огневая мощь в Лутэе была куда внушительнее.

Однако существовала одна серьезная проблема: дорога от Тяньцзиня до Лутая проходила через районы, где свирепствовали ихэтуани. Там действовало несколько отрядов этого движения. И хотя подобные мелкие формирования, выросшие вокруг отдельных деревень, не представляли угрозы для регулярной армии, против изможденного отряда они вполне могли сыграть роковую роль.

Глядя на оцепенелые, пустые лица сидевших вокруг солдат, Лэй Чжэнь вдруг ощутил жуткое

одиночество. Сможет ли он в одиночку справиться с задачей по спасению этой армии?

Он был самым обычным человеком. Даже обладая знаниями из будущего, разве мог он так быстро изменить что-то в эту бурную великую эпоху?

— Инструктор, из города выбежала группа беженцев, кричат, что хотят видеть начальство! — в тот момент, когда Лэй Чжэнь предавался сомнениям, к нему подбежал дозорный солдат с докладом.

Беженцы... В Тяньцине повсюду полыхали пожары и гремели взрывы, и любой сообразительный человек понимал, что удержать город невозможно. Хочешь выжить — беги из города в деревню. За те полчаса, что отряд стоял на привале, из ворот уже вышло несколько групп мирных жителей, но те просторные крестьяне вовсе не проявляли интереса к стоявшей здесь разгромленной армии.

— Приведи главного. Впрочем, ладно, я сам пойду спрошу! — подумав, равнодушно бросил Лэй Чжэнь. За эти семь дней он совершил головокружительный взлет от командира отделения до армейского инструктора. Скорость продвижения по службе оказалась настолько невероятной, что он еще не успел заразиться фальшивым чинопочтанием, свойственным цинским офицерам.

В тот момент он даже не предполагал, какое колоссальное и непредсказуемое влияние на будущее окажет это его решение.

Остатки разбитой армии оседают в Кайпине

— Мы — техники и рабочие Бэйянского арсенала. Всего вместе с женщинами и детьми пятьсот восемнадцать человек. Просим ваше подразделение найти способ разместить нас в безопасном месте.

Стоило Лэй Чжэню приблизиться к толпе оборванных беженцев, как от них отделился молодой человек в клетчатом заморском костюме с бежевым галстуком-бантом и громко отдал приказ.

Наверное, он заметил, что знаки различия на мундире Лэй Чжэня соответствовали лишь командиру отделения, и потому решил разговаривать с ним свысока. Впрочем, неудивительно: решение Не Шичэна о повышении Лэй Чжэня на поле боя было принято в спешке, провести официальную церемонию смены обмундирования и должностей в разгар ожесточенных боев никто бы не стал. К тому же из-за стремительного наступления неприятеля Лэй Чжэнь так и не успел сменить форму.

В такое смутное время этот малый командовал целой толпой разбитых солдат — храбрости ему было не занимать. Насчет «безопасного размещения» — Лэй Чжэнь сам толком не знал, куда идти, откуда у него могло быть свободное время на обустройство каких-то работников арсенала?

Стоп, что он сказал? Бэйянский арсенал?!

Да ведь это то самое место, где производили ружья, патроны, торпеды и прочее военное снаряжение! Если эти техники и рабочие действительно трудились в арсенале, они же были настоящим сокровищем!

С такими людьми у него появится стартовый капитал для воссоздания оружейного производства. Даже если иностранцы разрушат старые машины, можно будет построить всё заново, пусть это и потребует немалых серебряных монет. Где-то в глубине души Лэй Чжэнь блеснул слабый лучик надежды на рассвет.

— Как тебя зовут? Какую должность ты занимал в арсенале? — в корне переменившись в настроении, Лэй Чжэнь схватил за плечи этого франтоватого юнца и засыпал вопросами. Его хватка оказалась на редкость крепкой.

— Меня зовут Дун Фухэ, я служу техником сталелитейного завода и одновременно помощником управляющего на арсенале. Остальные — тоже техники и рабочие сталелитейного, бездымного, порохового и лесопильного заводов при арсенале. Полтора часа назад войска, охранявшие арсенал, бросили позиции. Иностранные компрадоры и главный инженер потребовали, чтобы мы сдались врагу, но мы не захотели и сбежали! — нахмурившись, с вызовом ответил молодой человек.

Очевидно, грубое обращение Лэй Чжэня пришлось ему не по нраву. Движение по вестернизации Китая длилось уже более тридцати лет, и на Бэйянском арсенале, где главным критерием были технические навыки, жалование старших специалистов было весьма высоким. По своему статусу они почти равнялись чиновникам низших рангов.

Не желая становиться рабами чужеземцев, они хотели бежать из города!

Это стремление было поистине прекрасным. Возможно, поначалу Дун Фухэ и его спутники сами толком не представляли, что им делать после выхода из города и куда направиться. Поэтому в отчаянии и разочаровании они решили переложить надежды на помощь таких же растерянных солдат разбитой армии.

— Это просто замечательно! Господин Дун, не переживайте, мы берем на себя защиту всех вас и никому не позволим причинить вам вред! — громко пообещал Лэй Чжэнь.

В этот момент ликование охватило его целиком. Чтобы вершить великие дела, необходим широкий кругозор. И хотя сейчас гремела жестокая война и о планах развития говорить было рано, само наличие этих опытных мастеров и рабочих давало ему фундамент для старта.

Если удастся найти безопасное прибежище и эти профессионалы останутся при нем, построить крупный арсенал масштаба Бэйянского, пожалуй, сразу не получится, но вот создать кустарные мастерские по примеру будущей армии коммунистов было вполне реально! Главное

— собрать людей, а когда решатся вопросы с оборудованием, эти мастерские, пороховые заводы и литейные цеха смогут постепенно вырасти и окрепнуть.

Погруженный в грандиозные планы на будущее, Лэй Чжэнь совершенно опьянел от собственных замыслов. В тот миг он позабыл, что командует лишь горсткой из тысячи потрепанных солдат и еще даже не решил вопрос с собственной базой.

— Скажите, господин командир, куда нам сейчас лучше всего направиться? — с некоторым нетерпением спросил Дун Фухэ, разглядывая этого странного, простоватого на вид солдата.

— Хм, было бы здорово найти поблизости место, куда иностранцы еще долго не сунутся и где мы сможем обеспечить этих людей едой и кровом, — вздохнул Лэй Чжэнь. Перед ним стояли суровые реалии. Головной болью временного командира было именно то, как пристроить всю эту массу людей, и уклониться от этой ответственности он не мог.

А все эти мысли о будущем развитии напоминали красивые бумажные блинчики — посмотреть приятно, да не съешь.

— Пожалуй, одно такое место есть. Только не знаю, захочет ли господин командир туда отправиться? — немного помявшись, нерешительно произнес Дун Фухэ.

— О? Что за место? Поведайте-ка, господин Дун! — любопытство Лэй Чжэня было разбужено.

Хотя он сам никогда не бывал в окрестных уездах Тяньцзиня, общее представление имел. Как он знал, эта территория лежала на аллювиальной равнине Хайхэ — куда ни кинь взгляд, кругом простирались бескрайние поля, и укрыться за естественными преградами было негде. Единственный горный хребет Яньшань тянулся гораздо севернее, в районе Великой стены. Неужели Дун Фухэ предлагает им перейти через стену и податься на Северо-Восток?

Пока Лэй Чжэнь предавался сомнениям, Дун Фухэ уже продолжал:

— Посмотрите сами, командир: как насчет Кайпина? Там есть несколько угольных копей, добывают уголь, говорят, это кормит несколько тысяч человек. Да и основанное Ли Чжунтаном Кайпинское горнодобывающее управление имеет весьма солидные масштабы. Если мы доберемся туда, с голоду точно не померем!

Выслушав Дун Фухэ, Лэй Чжэнь понял, что истолковал всё неверно. Дун Фухэ был всего лишь инженерно-техническим работником Бэйянского арсенала, он не проходил военную подготовку и, естественно, не оценивал ситуацию с точки зрения стратегии.

Кайпин лежал к северо-востоку от Тяньцзиня. Уголь там начали добывать еще во времена династии Мин. В третий год правления Гуансюя (то есть в 1877 году) тогдашний наместник Чжили Ли Хунчжан поручил управляющему Компания по перевозке морем Тан Тиншу

основать Кайпинское горнодобывающее управление под государственным надзором и с частным участием, с уставным капиталом в 1 миллион 200 тысяч лянов серебра. В последние годы управление нанимало иностранных инженеров и монополизировало добычу угля во всем районе Кайлань, так что ежегодные доходы копей были весьма внушительными. В эпоху индустриализации уголь называли черным золотом. Если удастся взять под контроль права на добычу, распределение и продажу угля, прокормить и одеть эту пару тысяч человек не составит большого труда.

Разумеется, при всех своих экономических преимуществах с военной точки зрения Кайпин был уязвим. Расположенная между Тяньцинем и портом Лункоу, эта небольшая равнина хоть и не лежала прямо на коридоре Дагу — Тяньцзинь — Пекин, но находилась неподалеку. Стоило иностранцам расправиться со всем остальным и обратить внимание на эти края, как у Лэй Чжэня не осталось бы другого выхода, кроме как стоять насмерть.

Захватить Кайланьские угольные копи, за счет огромных прибылей от продажи угля стабилизировать бродячее вооруженное формирование, попытаться прочно прибрать к рукам реальную власть над войсками, а затем, при благоприятных условиях, начать реализовывать те самые воздушные замки, о которых он мечтал... Дун Фухэ и помыслить не мог, что одна его случайная фраза вызовет у Лэй Чжэня столь долгую цепь ассоциаций.

Видя, что Лэй Чжэнь долго молчит, Дун Фухэ решил, что его предложение отвергли, и на его лице проступило недовольство. Нахмурившись, он переспросил:

— Если господин командир считает Кайпин неподходящим местом, прошу выбрать какое-нибудь другое. Только учтите: среди нас много женщин, детей и немощных стариков, долгий поход они вряд ли выдержат.

— Мм, господин Дун меня не понял. Место и впрямь отличное! Даже если бы вы не подсказали, я сам собирался увести отряд туда. Ха-ха! — громко рассмеялся Лэй Чжэнь, хотя этот смех почему-то казался фальшивым.

Тяньцзинь, у Южных ворот.

— В путь, выступаем на Кайпин! Там есть уголь, есть прямая железная дорога до Лункоу — отличное местечко, чтобы разбогатеть! — взобравшись на возвышение и обведя взглядом оцепенелых от поражения солдат, с горящими глазами провозгласил Лэй Чжэнь.

В нынешние времена наличие войск равнялось силе, а обладание ресурсами и деньгами давало вес на любых переговорах. В Кайпине со времен династий Мин и Цин существовало множество мелких шахт, и немало торговцев сколотили на этом «черном золоте» огромные состояния. Узрев эти выгоды, Лэй Чжэнь тут же решил воспользоваться тем, что союзники всё еще были заняты штурмом Тяньцзиня, опередить их и первыми захватить угольные копи. Сначала следовало заполнить реальные материальные блага.

Была у Лэй Чжэня и еще одна скрытая причина. Уведя это соединение в Кайпин, он отделял его на безопасное расстояние от подразделений Не Шичэна в Лутае. Это шло только на пользу укреплению его личного авторитета: в конце концов, его собственный стаж службы в этой армии уступал позициям командиров вроде Фэн Ихэ или Ян Муши, да иные батальонные командиры выглядели куда круче него. С таким трудом заполучив военную власть, Лэй Чжэнь вовсе не собирался так легко выпускать ее из рук — ему еще предстояло с помощью этого вооруженного отряда отвоевывать свое место под солнцем.

Решение было принято, и Лэй Чжэнь объявил о переходе в Кайпин вместе с людьми Дун Фухэ. Несколько отступивших командиров рот и взводов попытались выразить несогласие, но под жестким нажимом Лэй Чжэня, сославшегося на приказы самого генерала Не, они были вынуждены покориться.

<http://bllate.org/book/21116/2142718>